

[Polaris]

Д. МУХА, Л. ЛУКОВ

+ К.М.

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXXIX

Salamandra P.V.V.

**Д. Муха,
Л. Луков**

+ К.М.

Киносценарий

Советская авантюрно-
фантастическая проза
1920-х гг.

Том III

Salamandra P.V.V.

Муха Д., Луков Л. Д.

+ К.М.: Киносценарий (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг.: Т. 3). Пер. с укр. и комментарии М. Фоменко. Илл. В. Невского. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 72 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXXIX).

Последний оплот капиталистов отгородился от мира смертоносной электромагнитной стеной. За ней шумят заводы, день и ночь изготовляя ядовитые газы. На помощь рабочим-подпольщикам и их юным друзьям Джиму и Тому страны Советов посылают небывалый ракетный аппарат «Таран»...

Забытый киносценарий или «кинороман» Д. Мухи и классика советского кино Л. Лукова, создателя знаменитого фильма «Два бойца», написан в традиции советской героической фантастики и впервые переводится на русский язык. Эта книга продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций советской авантюрно-фантастической прозы 1920-х гг.

© Авторы

© М. Fomenko, перевод, комментарии, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

Д. МУХА ТА Л. ЛУКОВ

Кіносценарій

+ К. М.

Киносценарий

Читатель!

Мы здесь даем киносценарий. Это – не обычный рассказ или повесть. Это – описание фильма.

Представь себе, что ты в кино. Просто перед тобой экран. На нем происходит действие.

Итак, сеанс начинается.

Внимание!

ЧАСТЬ I

В бесконечных мировых просторах веками мчится, вращается шар Земли.

Мощными взрывами загорается красное пламя революций, сливается в могучее море огня, заливают страну советов – СССР.

Бурными красными волнами течет революция за пределы Союза, через границы; все шире и шире заполняют эти волны весь земной шар.

Только в Южной Америке, в самом сердце страны, красные волны разбиваются о незримую преграду.

На земном шаре остается единственное белое пятно на красном фоне.

Миром правит пролетариат. Только в одном
уголке земного шара еще господствует капитал.
Смертоносной электромагнитной стеной
отгородился он от всего света.

Непреодолимая электромагнитная стена. Грозные молнии прорезают ее по всем направлениям и причудливыми разрядами пересекаются, переплетаются в непроходимую смертельную сеть.

Прошло шестнадцать лет, и по ту сторону
электромагнитной стены замерло все живое.

Сквозь сеть молний медленно проступает большой город, где, как в заброшенном склепе, царит хмурая темень. Тяжкой пеленой легла на всем ржавая пыль;

сурово щерятся выбитыми стеклами и разрушенными стенами мертвые заводы; красно-рыжей ржавчиной покрылись кладбища паровозов: раскинули повсюду изуродованные колеса, рычаги, трубы...

Громадная гавань умерла.

Незыблемы могучие великаны – портовые заводы.

Беспорядочной грудой торчат в небо разбитые мачты заплесневелых барж и пароходов. Едкий серый туман холодной дымкой поднимается с мертвой поверхности воды, лижет прогнившие останки кораблей и, извиваясь темными улицами, стелется по городу.

Там, в темных закоулках, кое-где качаются тени изувеченных людей. Не глядя друг на друга, опуская глаза, согнувшись, они украдкой спешат куда-то и исчезают в мареве туманов.

Это – жители города.

Здесь властители изготавливают ядовитые газы
для борьбы со страшным красным врагом.

В клубах едкого дыма, прорезанных блестящими лучами электричества, вяло двигаются унылые фигуры. Из рук в руки сплошным потоком передают баллоны с ядовитыми газами.

Черные, закопченные, израненные руки закрывают заплаканные глаза и опухшие лица... Ведь смерть течет здесь, в этих ужасных баллонах.

Рабочие – рабы.

Те, что из века в век, кровью и страхом правили
всем миром, спрятались в стальной крепости.

Нерушимой скалой встал над городом, на холме, стальной великан-дворец. Из самого сердца выбросил он в небо железную башню, все вокруг заливают морем электричества.

Коридор стального замка блестит сиянием огромных люстр, зеркал, гладких стен. В глубине коридора появляется маленькая фигурка в обычной униформе мальчика-слуги.

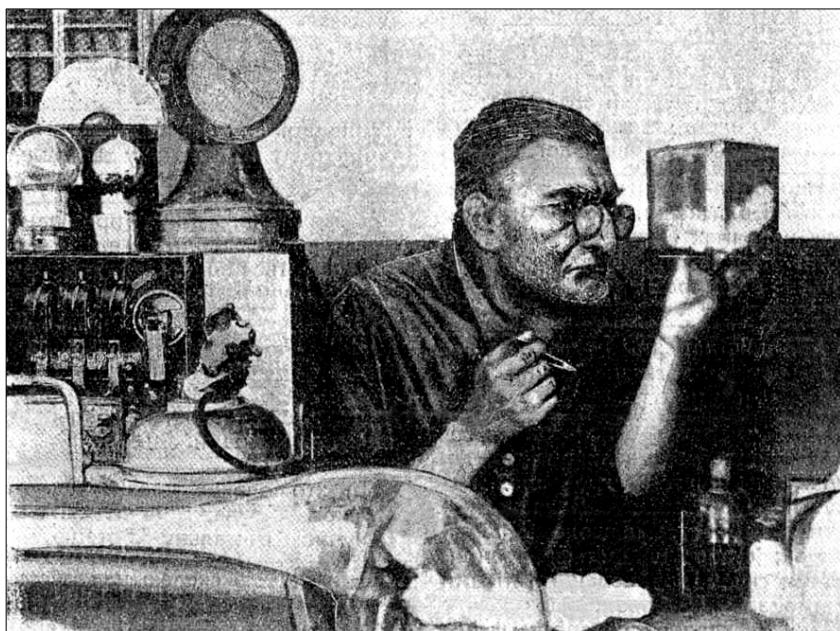
Галуны, блестящие пуговицы, фуражка с ремешком под шею сливаются со стенами, с лампами, с зеркалами, стирают живое лицо человека, превращают его в какой-то движущийся предмет.

Поспешные, но сдержанные движения, размеренные шаги. Он не имеет права быть самим собой, маленьким резвым мальчуганом. Он всего лишь заведенная пружина, живая и обученная службе вещь. Это – Джим, несет на блюде письмо.

Джим останавливается у высоких дверей и несколько раз отчетливо и размеренно стучит, словно подает условный сигнал.

Там, за дверью, у большого бюро профессор что-то пишет. Профессор Патрик – это нервы и мозг всей белой страны.

Джим сдержанным шагом, совсем как настоящий механизм, приближается, подает письмо, круто поворачивается и выходит прочь.

ПАТРИК В ЛАБОРАТОРИИ

Профессор Патрик. Тот самый, кто создал
электромагнитную стену.

Патрик нервно поправляет роговые очки, читает письмо. Пожилой, седой, но энергичный, крепкий. Лохматые брови срослись в полосу. На лбу глубокие морщины. А острые глаза глядят, сверлят, будто жалят сквозь стекла очков. Упрямый подбородок и хищный нос. Жестокий, высокомерный вид.

Прочитав письмо, Патрик поглядывает на часы. Время! Поправляет характерным движением очки и выходит из комнаты.

Вокруг круглого стола – окаменевшие фигуры. Очень похожи на давешние баллоны с ядовитыми газами. В центре сгорбился Патрик. Он мрачно, пристально глядит прямо перед собой, автоматически сплетает напряженные пальцы.

Перед глазами злого гения встает большой город. Непрерывное движение трамваев, автомобилей, мотоциклов. Дымами дышат в небо заводы.

Гигантские котельные раскрывают ненасытные пасти. Стальные машины кромсают воздух шатунами и маховиками. Паровые молоты неустанно куют раскаленную сталь. Толпы людей заполняют широкие светлые улицы. Все вокруг бурлит жизнью.

Красный флаг играет на солнце.

Патрик мысленно встает над городом и одним махом швыряет вниз баллон с газами. Мгновение – и темные облака дыма окутали город и осели на все тяжелой тучей.

Рука профессора медленно опускается, едва заметная недобрая усмешка кривит ему губы, собирает морщины у глаз.

Недобрая усмешка кривит лицо Патрика...

Сосед профессора Патрика встает, произносит речь.

Его рот сухо выбрасывает слово за словом.

Каждая его фраза – это миллионы тонн ядовитых газов, которые выбрасывают заводы; это гигантские склады баллонов – источники смерти.

С тревогой, с напряжением ловят слушатели каждое слово оратора.

Среди окаменевших фигур – маленький Джим. Он возится с посудой, с напитками. Его руки быстры и осторожны. Он с головой ушел в работу. И только мерцание глаз выдает волнение.

Оратор закончил. Слово предоставляется Патрику.
Все глаза обращены на него.

Встает нервная энергичная фигура.

Его движения, глаза выдают чрезвычайное напряжение.

— Сегодня вечером состоится последнее испытание моего нового изобретения. Тогда мы сможем бросить все на борьбу с социализмом.

Джим... он совершенно спокоен... ставит на стол последние рюмки. Лишь на секунду остановился, застыл. Лишь на миг дрогнула его рука... Едва не пролился напиток из бокала.

Вечер. Несколько фонарей еле освещают улицу. Идут с заводов рабочие. Серые, мрачные тени спешат домой. В глазах под шапками, в настороженных поворотах голов что-то напряженное, враждебное всему окружающему.

На углу улицы кучка рабочих. Пора расходиться. До свидания!.. Бывайте!..

— Вчера наши еще дальше подкопались под стены замка.

Больше не хмурятся, улыбаются, пожимают руки.
С опаской оглядываются и расходятся.
Остаются двое. Это Феб и Каменс.
Еще несколько слов. И оба исчезают в темноте.

Тем временем в замке, в уголке коридора Джим о чем-то торопливо рассказывает такому же точно, как и сам он, мальчику.

Они словно близнецы, так обезличивает их блестящая униформа. И только внимательно присмотревшись, можно отличить Джима от его товарища Тома. По их быстрым движениям понятно, что они о чем-то договариваются. Да. Так и есть. Нужно что-то делать. Необходимо спасти товарищей. Тех, что по ту сторону стены. В юных, горячих головах складываются чудесные, героические планы. Но прежде всего надо известить своих. Срочно!

Том поспешно исчезает, а Джим чутко прислушивается. Тихо...

Полночь. Двор разрушенного завода. Тайком, прячась, мелькнула тень. Одна... Другая... Промелькнули и исчезли там же... Еще несколько. Еще... и еще... и снова там же... и нет их... Исчезли...

Темный подземный коридор. Едва виднеется в конце серое пятно входа... А на фоне его один за другим какие-то силуэты, фигуры. Вдали вспыхнули электри-

ческие фонарики. Мелькают, как светлячки. Приближаются потихоньку.

Подвал завода. Подпольное собрание. Вокруг составленных фонарей сидят рабочие. Докладывает Каменс.

В свете фонарей сильная фигура. Энергичные движения. А глаза – пламенеют.

– Здесь мы установили радиосвязь со странами Советов. С теми, кто там... свободны...

Вдруг все головы оборачиваются к входу. Тревожно прислушиваются. Некоторые, прикрыв глаза руками, подавшись вперед, вглядываются в темноту туннеля.

В глубине его, приближаясь, мигает фонарик. Медленно вырисовывается невысокая фигурка. Блеснули светлые галуны и пуговицы. Это – Том.

Лица рабочих проясняются. Кое-кто приветствует Тома.

А Том совсем переродился. Совсем другой теперь... Спеша, путаясь в потоке слов, он возмущенно рассказывает рабочим о том, что слышал.

– Патрик... Новое изобретение... на днях... все ядовитые газы на социалистические страны.

Собрание взволновано. Ведь сообщение Тома... Каждый хочет что-то сказать... Непременно!.. Каменс с трудом успокаивает их.

Патрик у себя в кабинете. Встает из-за стола, подходит к стене. А стена та, – если нажать ногой на плинтус – часть стены автоматически отодвигается и открывает потайной шкаф. Патрик достает из шкафа три саквояжа. Жмет на кнопку электрического звонка на рабочем столе.

До чего неприятно дребезжит сигнал в коридоре! В уголке, у двери, прикорнул Джим.

Джим не сразу просыпается... испуганно смотрит вверх.

Под пружиной в светлом прямоугольнике появляется цифра «4».

Джим моментально срывается... Торопясь, натягивает ремень фуражки, одергивается, стучит в дверь Патрика, входит.

Патрик нетерпеливо вертит очки.

Молча показывает Джиму на саквояжи и велит следовать за собой.

Патрик и Джим спускаются на лифте.

Маленький Джим немного согнулся... Саквояжи тяжелые. Рядом Патрик, задумавшись, что-то шепчет себе под нос.

Лифт быстро несется вниз.

Подземным коридором замка, заворачивая за углы, идет за Патриком Джим. На потолке блестящей чешуей сверкают электрические лампы.

Патрик остановился. Движением руки отсылает Джима. Джим послушно уходит, он знает, что Патрик подозрительным взглядом уставился ему в спину.

Обогнув угол коридора, Джим поспешно подходит к лифту. Оглядывается, с силой хлопает дверью кабины, нажимает кнопку, и лифт срывается вверх.

Как кошка, Джим припадает к полу и тишком, крадучись, ползет обратно.

Оставшись наедине с саквояжами, Патрик внимательно прислушивается, будто ловя шорох лифта. Довольно кивнув головой, наклоняется и находит в саквояже – ключ не ключ, а крючок.

В этот миг из-за угла коридора осторожно выглядывает Джим. Неслышно ползет... Осторожней!.. Его глаза пристально следят за каждым движением профессора.

Патрик, склонившись, нервно и быстро вынимает из пола кусок паркета, резко вставляет ключ.

И видит Джим, как в гладкой стене открывается круглое отверстие.

Не успевает Патрик, захватив один саквояж, исчезнуть в потайном проходе, как Джим на цыпочках, без обуви, подбегает к отверстию. Закусив губу, осторожно заглядывает внутрь.

В глубине сводчатого темного туннеля, идущего от отверстия, в освещенной лаборатории Патрик ставит на стол саквояж.

Джим решил. Вьюном проскользнул в темный туннель и притаился в углу за дверью. Осторожней!.. Джим сжался в комок... поежился... Патрик может заметить!

Отверстие закрылось.

Этой ночью не спит и Каменс. Он в подвале разрушенного завода с двумя товарищами-рабочими.

Темнота кругом. В блестящих деталях аппарата мигают звездочки электрических фонарей. Это живые искорки тревожной депеши, которая летит к своим, к друзьям.

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСТЬ ЛЕТИТ К ДРУЗЬЯМ...

И темную ночь пронзают электрические молнии-стрелы. Эфир разносит пылкий призыв.

Алло! Алло! Алло!
Свободные страны! Свободные страны!
Свободные страны социализма!
Слушайте! Слушайте! Слушайте!

И снова молнии, стрелы пронзают эфир, и снова вспыхивает, летит во все страны новый призыв:

Свободные пролетарии всего мира!
Мы хотим уничтожить магнитную стену.
И мы зовем вас. Идите же, братья, настал
долгожданный час!

Пролетарии стран Советов услышали зов.

Там, где мощные гидростанции день и ночь непрерывно обращают силу воды в электрическую энергию.

Там, где неутомимо работают мощные паровые машины, мчатся паровозы, гудят паровые котлы, резак станков вгрызается в раскаленное железо...

Там, где бурная жизнь заливает освещенные электричеством шумные площади и улицы больших городов...

Там рупор громко бросает в толпу:

Алло! Алло! Алло! Товарищи! По ту сторону магнитной стены, в краях, где еще господствует капитал, пролетариат восстал на решительную борьбу с хозяевами страны.

Вещает рупор...

Бурная жизнь вновь всколыхнула площади и улицы...

Могучие машины, овладевшие силой стихии, куют, режут, мчатся...

Куют они счастье и волю для всех.

Несут освобождение рабочим белой страны.

ЧАСТЬ II

Огромный ангар. В глубине стоят какие-то странные самолеты. Сквозь стеклянные стены солнечные лучи заливают бодрим светом сверкающую машину, похожую на сигару.

Поверхность блестящая. Не видно ни окон, ни дверей. Нос острый. С внешней стороны машина будто укреплена тремя ребрами. Спереди четыре небольших отверстия. Это самолет-ракета «Таран». Он почти достроен. Группа рабочих заканчивает последние приготовления. Руководит инженер Карстон.

Машину покрыли блестящим металлом. Рабочие в масках и темных очках заваривают швы. Другие заглаживают швы ручными шлифовальными аппаратами. Пламя вольтовых дуг слепит глаза даже днем. Летят раскаленные искры.

Инженер Карстон, не отвлекаясь ни на минуту, пристально следит за работой. Как вокруг родного малыша, ходит он у аппарата, внимательным взглядом рассматривает все детали.

Несколько раз, что-то измеряя, он делает записи в карманной книжечке. И снова измеряет что-то на блестящих боках «Тарана».

Изобретатель – конструктор-инженер Карстон строит ракетный аппарат «Таран», чтобы пробить электромагнитную стену.

Внезапно в ангар вбегает, размахивая журналом, помощник инженера Губер. Он смотрит по сторонам, нагибается, заглядывает под опоры, ища Карстона. Заметил, лихо заломил фуражку на затылок, подбежал к Карстону и протянул ему журнал.

Карстон заглядывает в журнал и с большим интересом читает:

«По ту сторону дьявольской стены начинается последняя борьба пролетариата с капиталом».

Твердо указывая рукой на аппарат, Карстон говорит:

– Через сорок восемь часов наш мощный стальной «Таран» прорвет вражескую электромагнитную стену.

По темному туннелю ползет Джим. Тайком, прижавшись к щелькам у стеклянных дверей, которые затворились за Патриком, мальчик заглядывает внутрь.

За дверью – лаборатория Патрика. Джим видит большую комнату, заставленную всевозможными приборами. В одном углу большой металлический стол со странным лабораторным оборудованием. У стола Патрик.

Старик достает два сосуда и осторожно помещает их на стол.

Затем он соединяет аппарат с сосудами и накрывает их сверху стеклянными пластинами.

На большом распределительном щите Патрик включает два рубильника – пошел проводом ток. И вдруг миллионы молний полыхнули под стеклянными пластинами.

Пораженный, ослепленный Джим падает на пол, стискивает зубы, кулаками трет зажмуренные глаза.

Между тем Патрик выключает ток, снова подходит к столу и открывает небольшую тумбочку.

Джим отважно раскрывает глаза и вновь с опаской заглядывает в лабораторию сквозь стеклянные двери.

Смотрит и каменеет от ужаса.

Надев на лицо противогаз, Патрик открывает сосуды и сливает туда из реторты густую темно-зеленую жидкость.

Из сосудов поднимается густой, темный пар и заволакивает лабораторию.

Джим, вытаращив глаза, в ужасе отшатывается.

Но Патрик включает электрический вентилятор.

И в лаборатории больше нет тумана.

А Джим снова припадает к двери и внимательно следит, стараясь не упустить ни единого движения Патрика.

Удивительный химик, расстелив на столе вату, длинным пинцетом достает из сосудов два маленьких и точно живых сияющих шарика. Бережно кладет их на вату и посыпает легким порошком. Патрик устанавливает зеркало и, усмехаясь, смотрит в него, поправляет очки и... перепуганный насмерть Джим, прижав нос к стеклу, видит нечто необычайное. Профессор берет в руки солнца-шарики и исчезает без следа. Его не стало.

Яркое зеркало опустело. Ничто не мешает разглядеть все предметы в комнате. Ничто и нигде не указывает на присутствие профессора.

И не успел Джим опомниться, как на столе вновь появились эти солнца-шарики и профессор снова возник перед зеркалом.

НЕРВНАЯ РУКА – К ТАИНСТВЕННОМУ ШАРИКУ

Патрик поправил очки, хищно улыбнулся и, опершись руками о край стола, тихо и с угрозой сказал:

– Мой опыт удался... Погодите – дождетесь...

Любовно накрывает профессор небывалое свое изобретение стеклянной крышкой. Сверху прилаживает металлическую и, потирая руки, направляется к двери.

Джим быстро отскакивает и прячется в темном углу. И снова, затаив дыхание, Джим следит за каждым шагом Патрика. Все ближе, ближе и...

Профессор прошел мимо, не заметив Джима.

У стены Патрик наступил ногой на камень. Отодвинулась круглая часть стены.

Патрик выходит, и стена вновь... совсем как обычная стена...

А в это время –

В стране социализма

Ровный, безграничный аэродром. Прожекторы десятками лучей заливают поле морем света.

Посередине сверкает голубой сталью «Таран». Он готов ударить своим мощным острием в смертельную, враждебную стену.

Зволнованная толпа плотным кольцом окружает машину и кучку людей возле нее.

Из-за спин – головы, головы. Ловят глазами каждое движение Карстона и Губера.

У всех одна мысль:
«Победа или смерть»?

Или стена, или сами они погибнут!

Рядом с «Тараном» Губер и Карстон прощаются с близкими, друзьями и представителями правительства. Последние рукопожатия – и Карстон с Губером поворачиваются к «Тарану».

Блестящая броня «Тарана» раздвигается. Карстон нажал на незаметную кнопку. Под дождем цветов и поздравлений Карстон и Губер исчезают в люке машины.

В узкой глухой кабине белый свет играет на кожаной обивке стен. Спереди приборы управления, компас, датчики скорости и высоты, посередине круглый белый экран. Любовно осмотрев приборы, Карстон и Губер садятся на низенькие кресла перед пультом.

Карстон решительным движением поворачивает рубильник.

Из нижней дюзы «Тарана» вырывается вихрь газа. Словно нацелился в небо «Таран» и на минуту застыл. Еще мгновение – «Таран», снявшись с места, врзается в далекие облака.

Каждый вечер профессор Патрик проверяет силу электромагнитных волн смертельной стены.

Внимательно осматривает Патрик целую стену приборов.

Амперметры, рубильники, рычаги, переключатели на белом фоне стены поблескивают холодом металла.

Датчики мощности электромагнитной стены.

Стрелки в амперметрах доходят до миллионов ампер, а вольтметры стоят на средних числах. Великой, непобедимой силой электричества охраняет себя от внешнего мира профессор Патрик.

Все спокойно. Патрик передвигает некоторые рычаги и в последний раз оглядывает приборы.

Рядом – его спальня. Никому не доверяет старый профессор центр своей силы.

А тем временем Джим, запертый в темном подземном туннеле, осматривает стеклянные двери лаборатории и пытается силой их открыть. Но нет, куда там!

Ну что ж – Джим нащупывает на полу камень, прицеливается. Со звоном разлетаются стекла ...

Джим окаменел. Напрягает слух. Все спокойно.

Несколько сторожких шагов – и он в таинственной лаборатории Патрика. Вокруг знакомые приспособления, провода, приборы... Маленькая фигурка Джима сжимается еще больше! Он робко оглядывается, подбирает полы, боясь зацепиться за неизвестные устройства, кружит между ними и наконец все же счастливо добирается до стола с дивным изобретением.

Осторожно, как сам профессор, поднимает он верхнюю металлическую крышку.

И не знает Джим, что в спальне Патрика на белой стене высветились тревожные надписи, а на столе завыла сирена...

Чудесные шарики, чуть поблескивая под стеклянной крышкой, таят в себе нечто необыкновенное. Расстаять в воздухе, стать прозрачным, невидимым, о!..

Минута колебания, одно мгновение сомнений. И смелым движением Джим снимает последнюю крышку.

И снова наверху вспыхивают электрические лампы.

Крепко спит профессор Патрик. Но гудит сирена. Тревога! Как угорелый вскакивает профессор с постели и недоуменно протирает глаза. Тревога! Не может быть... Напяливает кое-как халат, прилаживает очки и пулей вылетает в соседнюю комнату.

Миг – и он у приборов. Большой рычаг опускается под нажатием его руки. И по всем закоулкам стального замка разбежались по проводам нервные электрические сигналы тревоги.

Тотчас же погасли все огни в замке. Снизу быстро надвигается на него, поднимается огромный стальной цилиндр. Единым прочным панцирем закрывает он весь замок.

Темень – ужасная!..

Останавливаются лифты. Молчат телефоны. В темном коридоре на цепочку дверей надвигаются стальные щиты.

В подземной лаборатории гаснет свет, только на столе как маленькие солнца светятся два шарика.

С грохотом падает сверху на стеклянные двери железная штора.

Джим, испуганный, как мышь в мышеловке, отскакивает от стола. Подбегает к двери, хватается руками за железную штору, трясет ее – напрасно! Штора даже не колыхнулась. С искаженным от ужаса лицом сжимает он в отчаянии руки, оглядывается, обводит глазами комнату, ища спасения. В тревоге вытянув голову к двери, Джим прислушивается.

По темному коридору быстро шагает Патрик. На груди у него висит небольшой прожектор. Луч его освещает путь.

Через минуту поднимается железная штора лаборатории и Патрик останавливается на пороге. С поднятыми кулаками он, точно ястреб, вот-вот ринется и разорвет свою жертву.

Несколько секунд в напряженном молчании.

Джим стоит бледный как смерть. А глаза ищут шарики. Это чудесное изобретение – единственный способ спастись...

Некогда раздумывать – прыжок к столу и... исчез, пропал, будто и не было Джима.

Кинулся Патрик к распределительному щиту, переводит рычаг.

Железная штора на двери тихо и неторопливо приходит в движение.

Патрик со злорадной ухмылкой натягивает на голову противогаз. Медленно, не спеша нажимает на рычаг... Из отверстия в потолке лаборатории тяжелыми клубами текут ядовитые газы. Сжимаются цепкие профессорские лапы.

– Мои шарики творят невидимок, но спастись от ядовитых газов... не получится!...

И минуту спустя лаборатория уже тонет в густом темном тумане.

Глухая ночь. Облака, облака... Они покрыли бескрайнее небо. Ветер гонит их друг на друга, собирает облака в большие отары, словно хочет лавиной обрушить их куда-то вниз.

Вдалеке едва заметной точкой брезжит, близится «Таран». Молнией несется. Страшную казнь уготовил он сердцу белой страны.

«Таран» – это смерть! Смерть капиталу, что спрятался в этом уголке мира, загородившись магнитной броней. «Таран» несет жизнь поработенным! «Таран» – вперед, в бой!

Карстон и Губер на металлическом экране кабины видят все, над чем пролетает «Таран».

На экране расстилаются мрачные, однообразные просторы.

Дьявольская стена наложила на все грозную печать смерти.

Все дальше и дальше, прорезая густые тучи, несется «Таран». Только по волнам воздуха промелькнет

молнией в облаках и вновь исчезает.

В «Таране» Карстон, управляя аппаратом, сжимает руку Губера.

– Будь начеку! Сейчас войдем в стену.

Черную тьму пронзает электричество. Повсюду молниями вспыхивают световые волны.

Электромагнитная стена...

Мгновение – и красно-огненная стрела врезается в середину как вихрь, с грохотом пролетает и... исчезает.

Часть III

Патрик, уверенный, что ядовитые газы уничтожили в лаборатории невидимку, возвращается к себе в кабинет. Успокоившись, он поворачивает большой рычаг, и – жизнь дворца вновь плывет в обычном русле. Ток течет по проводам и...

Опускается вниз огромный стальной цилиндр, закрывавший своим панцирем дворец.

Постепенно вырисовываются на фоне неба, где уже зреет утро, грозные контуры стальной твердыни; море электричества снова врывается в сумрак рассвета.

Коридоры дворца вновь освещаются бесчисленными лампами и с дверей, грохоча, опадают стальные засовы; двинулись лифты, что остановились было с пассажирами между этажами, встревоженные обитатели перезваниваются по телефону...

Утомленный Патрик почти падает в кресло. Откинувшись назад, вытянув ноги, он закрывает воспаленные глаза.

Проходит минута, медленно поднимаются трепещущие веки, оживает лицо. Но вдруг в глазах вновь загорается тревога.

Взгляд упал на приборы распределительного щита.

Профессор приходит в себя, быстро всем корпусом подается вперед и впивается глазами в циферблаты.

Стрелки датчика электромагнитных молний колеблются.

Взволнованный Патрик вскакивает с кресла. На его рабочем столе экран с панорамой города; еще одно нажатие руки, второе, и на экране – один за другим мелькают заводы белой страны, порты, железнодорожные пути, леса, дороги, а после мертвые плоские степи – границы страны. Еще движение – и на экране – сумрачное небо, предрассветная заря – небо, изрезанное лезвиями прожекторов.

Внезапно лучи их сбегаются палящим шатром – и видит профессор – блестя металлом, мчится «Таран».

Глаза Патрика неотрывно глядят на экран. Пошатываясь, он хватается руками за голову. Искривленные, дрожащие губы едва шепчут:

– Неужели стена погибла?

Торопливо подскакивает Патрик к дивану, стоящему слева, у стенки, с силой проворачивает кольцо... Диван медленно отъезжает в сторону. Стена за ним поднимается, скручивается в трубку, как штора, и снова падает, как только Патрик проходит в открывшийся потайной ход.

– Неужели стена погибла?

Затем в маленькой кабине лифта профессор мчится вверх.

А там, наверху, три железных двери одна за другой послушно открываются, и – перед взволнованным профессором –

Сердце электромагнитной стены.

Сверкающий, блестящий машинный зал. Громадный механизм мертвым ритмичным движением колыхает, раскачивает воздух. Роторы электрических машин словно застыли сияющими колесами. Медные трубы желтыми полосами, извиваясь подобно гадюкам, вползают в открытое квадратное отверстие пола. Из отверстия поднимаются на тонких металлических штангах медные шары и металлические круги. Прозрачным мертвенным сиянием струится электричество огромной силы, струится, переливается из кругов на шар.

Еще с порога зоркий взгляд профессора устремляется к контрольным приборам распределительного щита, которые почти целиком покрывают стену. Похоже, все в порядке.

Один за другим, стоя у щита, проверяет Патрик приборы.

Возле дверей лифта заснул на стуле Том. Голова его немного склонилась набок, лицо довольное и спокойное.

Неожиданно на его голове начинает подскакивать фуражка. Том просыпается и медленно, спросонья, водит глазами вокруг. Проснулся совсем. Протер глаза

и в ужасе поднял их к желтой фуражке, которая наконец-то плюхнулась обратно и надвинулась на лоб, будто кто-то дернул за козырек.

А вот и еще диво дивное. Стулья выстроились в ряд, меняются местами и встают на дыбы. Друг за дружку цепляются, подпрыгивают, ерзают.

Том, разинув рот, мелко-мелко моргает, снова протирает кулаками глаза – ой, беда! Вскочил с перепугу и едва не ударился носом о дверь. Мигом заскочил в лифт. Кнопка? Где кнопка? Том поднял руку, собираясь нажать на кнопку, да так и присел, окончательно оторопев.

Перед ним вдруг вырос Джим. Джим смеется, аж заходится от хохота.

Но Тому не до смеха. Никак не поймет он, в чем дело, и весь бледный стучит зубами в уголке.

Джим начинает рассказывать ему о чудесных шариках-солнцах. Показывая на свои карманы, Джим уговаривает Тома взять один шарик.

Том, не сводя глаз с Джима, поднимается на ноги и недоверчиво трогает его рукой. Успокоившись, он улыбается, нерешительно лезет рукой в карман Джима и... исчезает.

Джим, подмигнув, сует руку в другой карман и тоже исчезает.

Взволнованный комендант замка стучит в дверь кабинета Патрика.

Это низкорослый и мешковатый толстяк. Его маленькие глазки, как мыши, спрятались в зале. Губа отвисла. На широком квадрате лица написана храбрость

бравого вояки. Но это показная храбрость – он просто трус.

Перед комендантом открывается дверь, и строевым шагом он входит к Патрику.

За комендантом невидимо проскальзывает и Джим, усаживается в кресло в уголке.

Комендант испуганно докладывает о неизвестной машине, которая гремит над городом, и вопросительно заглядывает в очки.

Патрик, не поднимая головы, пишет – и сухо, скупно бросая слова, разъясняет:

– Какая-то машина из свободных стран
пробила электромагнитную стену.

Комендант в замешательстве, лицо его стало совсем глуповатое.

Наконец Патрик оборачивается и, пронизывающе глядя на коменданта, приказывает:

– Немедленно направить войска к вражеской
машине. По моим расчетам, она на юго-западе
Беневского леса.

«Есть» – и комендант, резко повернувшись «кругом», двинулся и вдруг... р-раз, распластался носом в пол.

Это Джим-невидимка подставил ему ножку.

Патрик удивленно смотрит на вояку-коменданта.

Тяжело пыхтит комендант, и без того красное лицо еще больше зарделось. Дебелое тело еще сильнее распирает мундир. Поднимаясь, он чуть не стал на четвереньки... Опять неожиданный пинок в зад, и – комендант еще раз клюнул носом.

**КОМЕНДАНТ ЕЩЕ РАЗ
КЛЮНУЛ НОСОМ**

Это невидимка-Джим... и его последний пинок, и вот он уже летит по лестнице замка, разыскивая Тома.

А вот и Том. Остановившись на ступеньках широкой лестницы, покрытых толстыми турецкими коврами, Джим, держа Тома за пуговицу, запыхавшись, торопливо рассказывает, подгоняет:

– Быстрее. Спешу в лес, предупреди. А я их здесь
задержу...

Снизу по лестнице бежит комендант. Увидев Джима с Томом, зовет их.

Джим что-то шепотом говорит Тому и... оба исчезли, словно растаяли в воздухе.

Комендант аж окаменел от ужаса. Как бежал он через две ступеньки, так и застыл сразу, так и застыл – одна нога выше, другая ниже.

Опомнившись, он пулей летит вверх, точно сама смерть гонится за ним.

Но Джим, легкий, бойкий Джим невидимо догоняет и в последний миг, когда комендант уже собирается открыть дверь, ловит его за полы мундира и – тпр-ру. Останавливает его, как вожжами.

Испуганный комендант, вырвав полы из рук Джима, все-таки спасается в своей комнате.

Джим – невидимо за ним.

Комендант бросается к телефону, прижал трубку к уху, что-то кричит.

Но Джим, подкравшись, уже выдернул телефонный штепсель.

Телефон умер... Молчит.

Комендант, весь мокрый от пота, еще яростнее кричит в трубку. Прислушивается. Снова кричит. Поняв, что дело безнадежно, он яростно бросает трубку и направляется к двери.

Но Джим и тут поспел.

Перед самыми глазами коменданта дверь закрывается и ключ, провернувшись несколько раз, выскакивает из замка и исчезает.

Очумелый комендант отшатывается назад. Весь даже взопрел от волнения. Вытер руками пот и, вконец измученный, собрался сесть. Но шашть, и Джим откапывает кресло.

Комендант – вверх тормашками! – грохается на паркет.

Как упал, так и сидит толстый вояка. Съежившись, втянув голову в плечи, зажмурив глаза, он целую минуту словно ждет, что ему что-то съездит по затылку.

Осмелев, он чуть приоткрывает глаза и сквозь узенькие щелочки присматривается. Что-то невиданное хозяйничает в комнате.

На столе, будто обезумев, вращаются чернильницы, рассыпаются письма и листы бумаги.

Комендант переворачивается, быстро перебирает руками и ногами, как ребенок, на четвереньках спешит к столику справа.

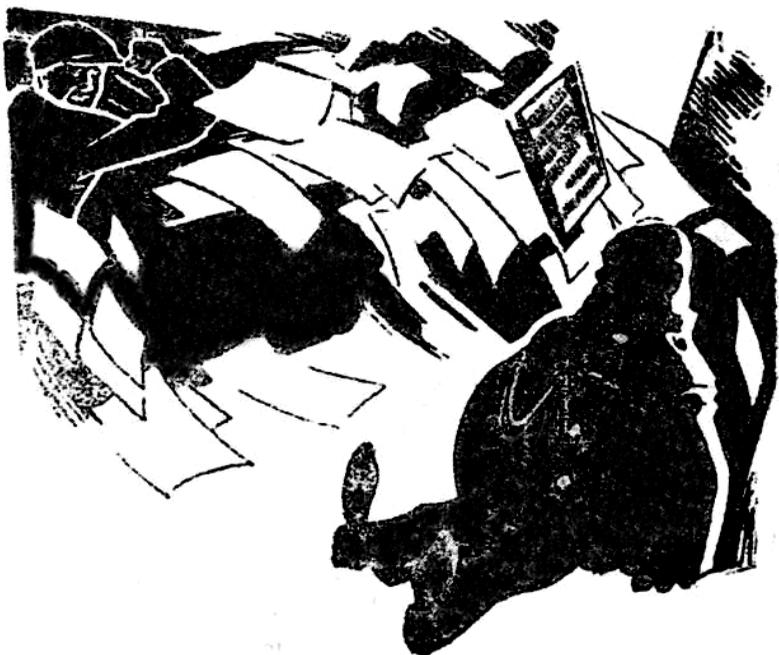
Одним махом стягивает скатерть, заматывает ею голову и бросается ничком на диван.

У стола появляется Джим. Он хорошо поработал, даже устал; и, показывая дивану кулак, едва не произносит в голос:

- Пусть теперь посылает войска в лес.

И снова исчезает.

Тем временем Том спешит к дворцовым воротам. Там стоит на вахте суровая стража. Один рядом с другим, вооружены, стоят как истуканы.

НА СТОЛЕ, БУДТО ОБЕЗУМЕВ, РАЗЛЕТАЮТСЯ ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Стоило Тому незримо пройти мимо них, как к замку подъехал мотоциклист. Останавливается, слезает, входит с депешей в ворота и – представьте себе удивленные лица караула, когда, зарокотав, мотоцикл сам собою двинулся, повернул руль и помчался прочь.

Мотоциклист в удивлении оглядывается. Завидев свой мотоцикл, бросается вдогонку.

Мотоциклист бежит по улице, а впереди несется мотоцикл без шофера. Все быстрее и быстрее... Оставляет далеко позади мотоциклиста, плавно сам по себе поворачивает и уже грохочет где-то за углом.

Мотоциклист заворачивает за угол. Но его силы уже на исходе: колени дрожат, он хватается воздух ртом и, держась за сердце, останавливается, смотрит вслед мотоциклу, безнадежно машет рукой... идет назад.

ЧАСТЬ IV

Утро. Серые, однообразные и хмурые краски растаяли в бодрых солнечных лучах. Все вокруг играет веселыми утренними тонами. И посреди этой радости жизни, на фоне бескрайнего, голубого пространства со стайками ясных светленьких облаков, еще отчетливее выступают темные контуры грозного дворца.

Там, внизу, постепенно просыпается город. Кое-где открываются окна. Двери выбрасывают из домов серые фигуры рабочих, спешащих на заводы. Маленькими кучками и одиночными силуэтами сливаются они в мрачный человеческий поток. Он течет и течет к заводским воротам, раскрытым как прожорливая пасть невиданного зверя.

Проснулись и обитатели дворца. Слуга останавливается у дверей комнаты коменданта. Стучит. Ждет с минуту ответа и вновь стучит. Никто не отвечает.

Удивленный слуга наклоняется и смотрит в замочную скважину.

Прямо напротив скважины, на диване, с головой, завернутой в скатерть, ничком лежит комендант. Двери заперты. А вот и ключ на полу у двери. Что за напасть? Набрался духу... приоткрывает дверь и тихонько просовывает голову в комнату. Оглядывается. Осторожно, на цыпочках, входит в комнату. Несколько раз обращается к коменданту и, не дождавшись ответа, робко будит его. Комендант вскакивает с дивана, срыгает с лица скатерть, моргает глазами и, как кошка, бросается к слуге:

- Ну, что? Поймали?

Слуга вытаращил глаза, разводит руками – ничего не понимает.

Тогда комендант пулей, двумя прыжками кидается к телефону. Схватив трубку, стучит по аппарату. Никакого результата. Опять стучит, дует, наконец кричит. Но все напрасно – телефон мертв. Комендант с досады меняется в лице, заметив, что телефон отключен. Беснуясь, что твой сатана, хватается штепсель и втыкает на место. И, наконец, телефон отвечает...

Долгий звонок телефона отрывает Патрика от работы. Недовольно насушив брови, Патрик слушает доклад коменданта. Хмурится, темнеет лицо Патрика. Нервно дрожат брови, сцеплены зубы. В конце концов Патрик яростно бросает трубку и сразу же возвращается к работе.

Нервно и быстро исписывает он лист за листом. Но работа не ладится. Он перечеркивает раз, другой все, что написал, бросает прочь карандаш и, как зверь в клетке, мечется из угла в угол.

В эту минуту дверь за его спиной неслышно открывается и снова медленно закрывается.

Это невидимка вошел в кабинет.

Патрик, ничего не заметив, снова подходит к столу и, схватив бумаги, о чем-то задумывается. Но лицо его проясняется. Счастливая улыбка на губах:

- Да, у меня же еще есть рецепт чудесных шариков!

В радостной спешке, Патрик нажимает ногой на плинтус у стены и перед ним снова открывается потайной шкаф.

Шарики. Рецепт. Это единственная мысль профессора... Нашел. Есть. Дрожащими руками хватает он лист, покрытый формулами, перечитывает несколько раз и кладет на стол.

Но стоило ему лишь на минуту склониться над ящиком, что-то разыскивая, как лист с формулами сорвался с места и исчез.

Глянул Патрик на стол – где же? Куда подевался? Нигде нет. А-а-а... Полетели во все стороны бумаги, вдогонку стаканы, чернильницы. Яростно топают Патрик ногами, в беспамятстве хватается стул и запускает им в невидимого врага. Он кричит и грозит кулаками в пространство:

– Мы еще увидимся, невидимка!

В ответ, словно насмехаясь над возмущенным профессором, дверь открывается и... закрывается.

Патрик не успел даже ничем бросить вслед – все, что было под рукой, расшвырял по сторонам.

Большой овраг, поросший на склонах темным лесом. На юге вспыхнули лучи солнца и залили верхушки деревьев. Дальше и дальше, сквозь древесную листву проникает солнце и будит лесную жизнь. Еще несколько минут – и оно, жаркое, выплывает в ясный

простор, заглядывает в овраг, где, как в зеленой колыбели, стоит блестящий «Таран».

Неподалеку, над оврагом, там, где начинается лес, на самой верхушке дерева примостился на страже Карстон с биноклем.

В трафаретке бинокля развернулась панорама рощи.

Карстон ведет биноклем вокруг. Ого! Что это?

«Мотоцикл», – говорит он вниз, Губеру.

Карстон наводит бинокль, и в круглых стеклах резко вырисовывается Том рядом с мотоциклом. Том устал, сел на подножку мотоцикла, он вытирает рукавом пот с лица. Отдыхает.

Увидев мальчика, Карстон камнем падает с дерева, и вот они с Губером уже пробираются сквозь чащу. Неожиданно вырастают пред Томом. Том вскочил на мотоцикл – еще мгновение, и он скроется.

Заурчал мотор.

Но два шага, и незнакомцы у машины, и его обхватили быстрые руки Карстона.

Враги или свои?.. Скрестились взгляды...

Но что это? – радостно вспыхивают глаза Тома.

На груди у незнакомцев маленькие пятиконечные звездочки.

Друзья, свои!.. Для объяснений хватает и двух слов.

Забрав мотоцикл, они отправляются к «Тарану». Через несколько минут удивленный Том с радостью осматривает аппарат со всех сторон.

Но каждая минута дорога. Том садится на мотоцикл.

– Поеду на завод – сообщу Каменсу, а вы берегитесь, чтобы вас не поймали.

Лица Карстона и Губера весело улыбаются.
Карстон барабанит по стальной стенке машины –
«Таран» не выдаст, броня у него крепкая.
Том садится на мотоцикл.

Вскоре по главной улице города мчится мотоцикл без шофера.

Прохожие поражены. Как разумное существо, – живой мотоцикл ловко объезжает всех, кто попадает на пути. Настоящая сенсация. Некоторые так и остались на месте с удивленными лицами, с разинутыми ртами. А другие бросились вдогонку.

На углу улицы полицейский заметил неладное, свистит и бежит наперерез удивительному мотоциклу. Но мотоцикл перед самым его носом сворачивает в сторону и, не задев его, направляется во дворец.

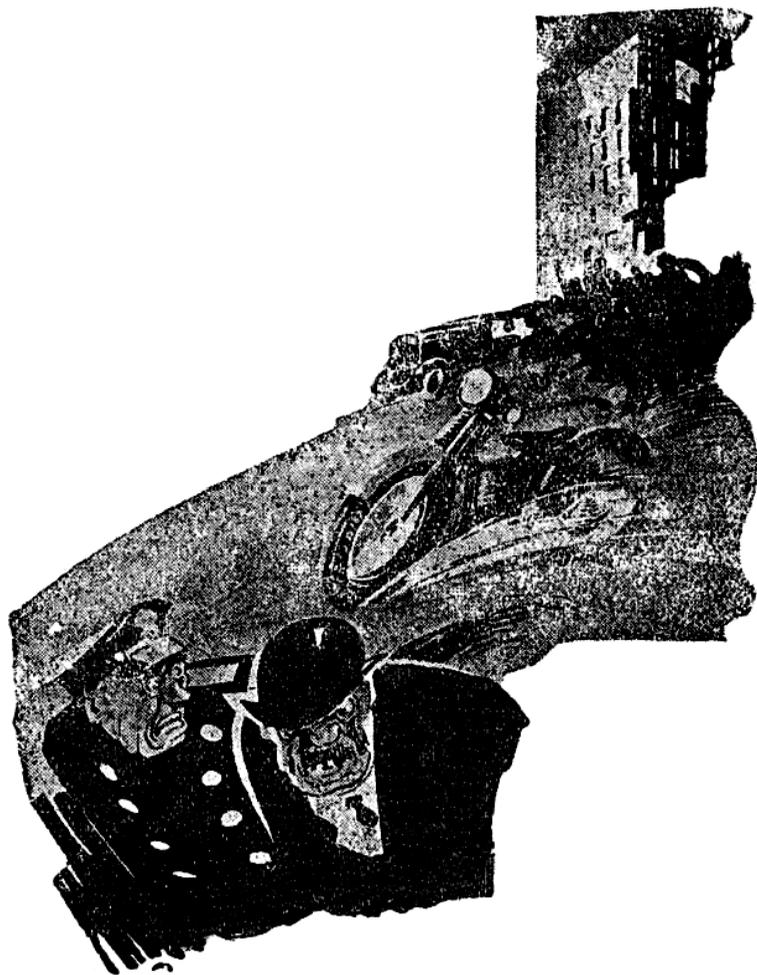
Там, у ворот дворца, на глазах оторопевшей стражи останавливается мотоцикл.

Сразу же собралась толпа. Все толкаются, стараясь поближе рассмотреть замечательный мотоцикл. Прибежали полицейские, едва сдерживают натиск толпы.

На широкой лестнице появляется Том и вбегает во дворец.

Джим наверняка в лифте – так оно и есть. Ну, скорее... Оба достают из карманов дивные шарики и невидимками торопятся к мотоциклу.

А там все еще бурлит толпа, взволнованно обсуждает чудесный случай.

...МЧИТСЯ МОТОЦИКЛ БЕЗ ШОФЕРА

Кому-то Том наступил на ногу, другого добрым пинком оттолкнул в сторону. Двое обиженных возмущенно набрасываются на соседей. Начинают ругаться.

Вдруг все с ужасом отбегают от мотоцикла.

Что? Вот так-так!.. Мотоцикл ожил, грохочет, выпустил газ и двинулся вдоль улицы...

Позабыв обо всем, толпа в ужасе бросается врассыпную.

А мотоцикл с невидимками-ездочками спешит к заводу.

Мигом прошмыгнули невидимки мимо охранника у ворот завода, оставив мотоцикл за углом.

В заводском цехе ребята находят Каменса. Скорее на улицу. В углу у бетонной стены Том вкратце докладывает Каменсу.

- Их машина пробила стену. Они просят собрать рабочих на совещание.

Да... Хорошо... соглашается Каменс. Соберемся сегодня там же, где всегда. Вы их приведете. Договорились. Каменс быстро бежит к заводу.

Но вот, как из-под земли, вырастает надзиратель и, злобно набросившись на мальчиков, хочет схватить их за воротники.

Джим увернулся, подмигнул Тому. Том наконец понял. Оба, как один – руки в карманы и... исчезли.

Надзиратель, выпучив глаза, пятится и, словно ища спасения, прислоняется к стене.

В цехе работает мостовой кран. Кучка рабочих прикрепляет к крюкам вагонетку. С ними Феб.

На мостик крана взбегают Каменс и пристально оглядывают цех. Ага, вот и Феб! Эй! – кричит Каменс.

Подняв голову, Феб смотрит вверх.

Каменс молча достает из кармана платок и вытирает нос – это условный сигнал.

Феб кивает головой – да, понял. Возвращается к работе и шепотом бросает одному, второму, те дальше... все негромко. Не прерывая работы, осторожно:

– Сегодня на старом заводе.

Как всегда, работают машины. Грохочут краны. Все спокойно на заводе. Надзиратель удовлетворенно осматривает каждую мелочь.

По широкой улице идут Джим и Том. Они о чем-то советуются. Случайно бросив взгляд на витрину, Том хлопает Джима по плечу.

Джим чуть не падает с ног и удивленно смотрит на Тома, словно спрашивая: «Что с тобой?»

Том, указывая на витрину, говорит:

– Их одежда совсем не похожа на нашу,
нужно их переодеть.

Джим смеется. Услышав слова товарища, качает головой – эге ж! Они хорошо понимают друг друга без лишних слов.

Через две минуты витрина привлекает к себе толпу зевак. Все хохочут. Показывают на витрину пальцами, зовут прохожих поглядеть на веселое зрелище.

Покупатель в лавке просит:

- Пожалуйста, дайте мне примерить тот костюм, что на витрине.

Продавец почтительно просит показать, какой именно костюм ему нравится. Подходит к витрине, открывает ее и от неожиданности застывает.

За стеклом хохочет толпа, на него указывают пальцами... но нет. Не на него.

Манекены! Что случилось с манекенами! Продавец видит, что они, как живые, поворачиваются, поднимают руки, ноги, или все вместе подпрыгивают. Одежда сама собой слетает с них, сворачивается, аккуратно складывается в стопки. Но вот уже – остались только голые куклы.

Как ошпаренный, продавец на четвереньках уползает и прячется под прилавком. Покупатель в изумлении падает на стул.

Вечер. Темнеет. Тьму разрывают яркие фонари. Минуту серый мост над темной рекой, мы снова видим руины старого завода. За выступами заводских стен, во дворе мелькают и исчезают фонарики. Их редкие,

быстрые вспышки движутся в одном направлении. Один за другим они незаметно исчезают в потайном проеме.

Вот и последний фонарик, слабо отсвечивая, пересек двор и скрылся. Черное, темное отверстие будто поглотило его, он уже мигает в узком, черном проходе. А за углом уже мерцает вдалеке свет фонарей, составленных вместе. Вокруг плотным кольцом расположились рабочие.

В тот миг, когда этот последний фонарик приближается – встает Каменс.

Свет фонарей еще заметней оттеняет волнение и радость на его лице. Протянув руку к рабочим, он торжественно и проникновенно начинает речь:

– Свободные страны услышали нас. Их посланцы прорвали смертоносную стену и сейчас будут с нами.

Рабочие засыпают Каменса вопросами – некоторые встали с мест, другие теснятся у фонарей, все смотрят на Каменса, не спуская с него глаз.

Но вдруг они чуть поворачивают головы вправо и словно бы внимательно прислушиваются к какому-то шороху. С минуту молча ждут. Каменс, приложив руку к глазам, подался всем телом вперед. Да!

Из темной глубины коридора вдруг вынырнули, мигая, фонарики. Ближе, ближе – и из темноты выступили четыре фигуры. Это Джим, Том и Карстон с Губером.

Все вскочили на ноги.

Словно окаменев, не шевелясь, остановились Карстон и Губер напротив рабочих.

Одно мгновение те и другие серьезно, пытливо меряют друг друга глазами. Мгновение молчания, одно мгновение и... Карстон протягивает Каменсу руку.

ЧАСТЬ V

Двое суток профессор Патрик...

Ключки бумаги разбросаны вокруг Патрика на столе. Склонившись над столом, он нервно исписывает лист за листом, даже не глядя на часы. А часы уже показывают – 24.

И только на третьи сутки...

Патрик встает из-за стола. Его волосы взлохмачены, веки тяжелы от бессонницы; довольная хитрая усмешка наплывает на лицо – он добился своего.

Устало, тяжело опираясь руками о край стола, Патрик поднимается на ноги и начинает собирать бумаги.

—

А в то же самое время... Еле освещенная подземная комната точно сжимает в себе кучку заговорщиков. Это Каменс с Карстоном, Губер и Феб. Здесь же Джим и Том. Все очень напряжены. Говорит Каменс:

– Уже десять лет мы подкапываемся под стены дворца, чтобы добраться до рычагов смертельной стены.

Все слушают. Слушатели вспоминают, как видят – тяжкий, опасный труд: как кроты, роют, роют – невероятное напряжение всех сил, всегда начеку: гляди в оба! Рабочие подкапываются под своего заклитого врага. А Патрик был уверен, что – не подкопаешься...

Стальной панцирь дворца пересекает туннель. Кирка и зубило скользят по его ровной поверхности, не оставляя ни следа. Но разве это преграда для тех, кто своими руками построил все на свете? И этот прочный панцирь.

По узкому потайному ходу рабочие переправляют детали машины.

У самого бронедворца расширяют туннель, устанавливают машину. Блестящие сверла упорно нацелены, готовы к бою против холодного, твердого металла.

Ну что... Не подкопаешься? А?

Наши сверла впиваются во вражескую
броню...

Задрожала, застонала машина. Грозно уперлась в стену.

В стальную броню нырнуло сверло. Борьба: сталь против стали. Водопадом разбрызгиваются, сыпятся вокруг раскаленные искры. Сверло: еще, еще, еще. И все глубже, глубже вонзается его жало.

—

У САМОГО ПАНЦИРЯ ДВОРЦА РАСШИРЯЮТ ТУННель

Не дремлет и враг. Он также на глубине нескольких метров под землей. Взволнованный Патрик в одиночестве работает в своей лаборатории.

Его нервные руки перебирают небольшие стекла.

Заглядывая в свои записи, упрямый профессор тщательно вымеряет, подгоняет стекла друг к другу и помещает их в какой-то прибор. Он напоминает защитные очки с двумя невысокими цилиндриками.

Закончил измерять, пригляделся. Что-то не так. Подкрутил винтики в оправе.

Готово! Снова победа. Профессор Патрик любовно осматривает свое новое изобретение, и с его кривящихся губ срывается угроза.

– Невидимок больше нет.

Черная непроницаемая тьма стеной встает перед глазами. Взгляд не проникнет сквозь беспросветную завесу, – пустая надежда. На густо-черном фоне врезается в небо высокая тонкая башня.

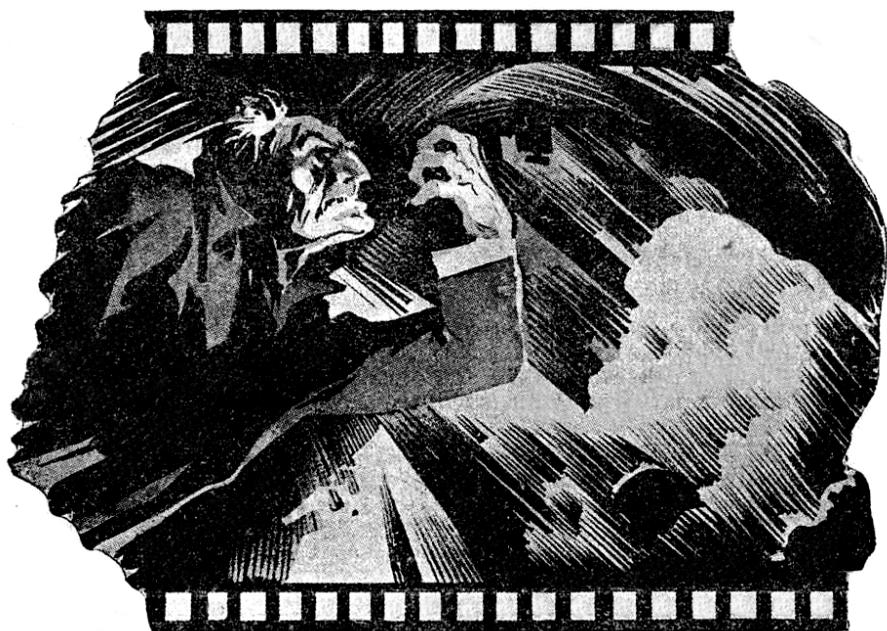
На самом верху притаилась зловещая фигура профессора Патрика. Это хищник. Весь словно приготовился к звериному прыжку.

Его руки поднимаются, когти сжимают валик баллона с газом.

Быстрым движением, с яростью швыряет Патрик вниз баллон.

Блестящей лентой прорезала воздух смерть.

Взрыв!

БЛЕСТЯЩЕЙ ЛЕНТОЙ ПРОРЕЗАЛА ВОЗДУХ СМЕРТЬ

А внизу растеклось огромное облако дыма, заполнило все вокруг, покрыло все густыми клубами.

Но – то здесь, то там в извилах дыма встают отдельные фигуры рабочих. Их все больше, больше. Сходятся, становятся бок о бок.

Отовсюду группами близятся, сливаются вместе и идут в наступление сквозь облака широкой, громадной лавиной. Яростно бросает Патрик баллоны, баллоны вниз.

Его волосы всклокочены. Глаза горят. Лицо... Да что там лицо... Он уже чувствует, что под его ногами шатается башня.

Но с каждым взрывом рабочих становится все больше и больше. Упрямые ряды быстро, со всех сторон идут вперед. Растут фигуры, становятся подобны великанам и заслоняют все вокруг.

И кажется, просвечивают мышцы великана, и видно, чем прочны они, чем одолеют. Ведь работают машины, мчатся паровозы, гигантские маховики режут воздух, вращаются ремни... ремни... ремни... ремни...

Башня пошатнулась. Повалилась.

На разрушенных глыбах...

Кто? Патрик. Изуродованное лицо запрокинуто назад. Руки судорожно дергаются, движения – змеиные.

С большим усилием поднимает он веки и безумно поводит глазами – где он?

Своя комната, кровать. Он – в одежде. Мало-помалу Патрик стряхивает тяжелый кошмар.

Он бросает тревожный взгляд на контрольные приборы распределительного щита... Все спокойно.

Стрелки приборов показывают полное напряжение электромагнитной стены, спокойную работу электрических машин.

Успокоенный Патрик приподнимается на кровати, садится и все еще дрожащими руками берет со стола стакан с водой.

А внизу, у брони, в потайном туннеле – решающий момент борьбы. Момент. В ярком свечении прожекторов видна каждая мелочь.

На улицах волнуются людские массы. Несколько массовых кадров. А Губер руководит работой. Рядом Каменс, Карстон, несколько рабочих. Здесь же и Джим с Томом.

Работают торопливо, молча. Ни единого лишнего движения. Лица серьезные, напряженные. Острыми лучиками поблескивают машины. Водопад блестящих стальных стружек окатывает рабочих. Сверла...

Все глубже и глубже врезаются они в мощный панцирь.

Широкий круг просверленных дыр окружает будущий лаз, будущий ход к секретам Патрика. Остался последний оборот сверла. Губер прыгает в машину. Скорее... Еще раз. Оборот... Раз. Другой. И... круг дыр замкнулся. Вырезанная глыба стали, пошатнувшись, легла набок в пробитом проеме.

Машину поспешно оттащили назад. Минута – и, по команде Губера, рабочие плечами и натруженными руками нажали на побежденную броню.

А по ту сторону... Густая сеть электрических проводов покрывает стену. Сквозь сеть просвечивает блестящая, ровная стальная поверхность и круг просверленных дыр. Выпиленная глыба наклонилась, сдвинулась и упала...

Натянулись, оборвались провода...

Взрывом ударили между ними молнии электрического тока. Вспыхнул огонь и все вокруг ослепло.

На распределительном щите в комнате Патрика зажглись предупредительные сигналы... Тревога.

Сильный удар бросил Патрика на спинку кровати. Шатаясь, он вскочил на ноги. Случилось что-то чрезвычайное.

Патрик, спотыкаясь, бежит к дивану. Мы снова видим знакомое кольцо сбоку дивана.

Вновь рука Патрика поворачивает кольцо. Отъезжает диван, уходит вверх стена и снова опускается за Патриком.

Минута – и Патрик уже летит в лифте.

В потайном проходе, где еще минуту назад все было залито светом прожекторов – тьма. Лишь сквозь пробитую стену прорываются яркие разряды электричества.

Засыпанные пылью, попадали наземь рабочие.

Ослепленные взрывом, оглушенные, медленно поднимаются... Один, другой, третий.

Первым очнулся, пришел в себя Карстон. «Скорее, не теряйте ни минуты!» – кинулся из темного угла на свет к пробитой броне. Заглядывает в отверстие и взволнованно бросает товарищам:

- Сердце смертоносной стены.

И уже лезет с Каменсом в просверленное отверстие.

Просунув голову в комнату управления электромагнитной стены, быстро оглядывается и останавливает взгляд на распределительном щите и машинах.

Вот они. Сверкают холодом металла – машины, рычаги, датчики электромагнитных волн. Отсюда исходят смертельные волны электричества, что непобедимой стеной защищают белую страну.

А с другой стороны вдруг незаметно выходит Патрик.

Присмотрелся... Ироническая усмешка тронула его губы.

И он мгновенно исчезает, так же незаметно, как и появился.

А там, за стеной, у входа в комнату тянется к кольцу хищная рука. Рядом с кольцом угрожающая табличка с белым черепом.

Поворот кольца.

Клубы черного дыма ринулись в комнату...

Задыхаясь, плотно закрыв глаза рукой, Карстон мигом прыгнул из проема обратно.

– Бомбу!

В протянутую руку быстро вкладывают гранату.

И сразу вскинулась рука и с силой швырнула гранату сквозь отверстие в самое сердце электромагнитной стены.

Взрыв. Все смешалось. Огонь. Пена дыма... Рухнул распределительный щит: рычаги, выключатели, провода, приборы – все мертво легло на умолкшие машины.

Обрываются тросы лифта.

Кабина с Патриком – падает.

Еще мгновение – и на полу разбитой кабины – разбившийся насмерть Патрик. Злое лицо так и застыло мертвой маской... К чувству безмерной радости примешивается неодолимое отвращение к побежденному врагу... Кладбищенская тишина... А рядом, откатившись чуть в сторону, лежит последнее изобретение одаренного покойного профессора, профессора Патрика – его цилиндрические очки. Но все напрасно...

Опоздал...

Стрелки датчиков электромагнитных волн на распределительном щите в кабинете Патрика падают до нуля.

Черные молнии перерезают кадр. Воцаряется темнота, разорванная языками пламени, из которых вырастает лозунг:

Погибла смертоносная стена.

Из темного входа в подземный туннель выходит кучка рабочих. Осторожно, с любовью, они несут на руках Карстона.

Едва поднимая веки, Карстон спрашивает:

- Стена?

Радостно приветствуя товарища, рабочие показывают руками вверх... На далеком горизонте реет и парит эскадрилья аэропланов, за нею вторая, третья... Ближе и ближе...

**НА ДАЛЕКОМ ГОРИЗОНТЕ
РЕЕТ И ПАРИТ
ЭСКАДРИЛЬЯ**

Широко и радостно открываются ей навстречу глаза Карстона...

А здесь, внизу, перед заводами – колонны рабочих, широкой лавиной, с развернутыми знаменами идут в последнее наступление.

Помогли товарищи Карстону подняться. Он протягивает руку Каменсу.

Горячее рукопожатие.

—

Свободные страны + Край Молчания =
Мировой социализм.

Слова эти вдруг вспыхивают красным и, словно расплескивая огонь, собираются в круг. Они дрожат, поднимаются и вращаются все быстрее и быстрее.

Постепенно вырисовываются контуры земного шара, и вот уже в темном мраке несется Земля.

Вся она залита красным пламенем без единого белого пятна.

Конец

Комментарии

«+К.М.» является, судя по всему, второй совместной работой дуэта сценаристов Дмитрия Мухи и Леонида Давидовича Лукова. Ранее они уже сотрудничали в написании сценария, по которому режиссер А. Лундин в 1928 г. поставил фильм под названием «Ванька и “Мститель”» (также известен как «Ванька Огнев и его собака Партизан»). Рассказывалось в нем о пастушонке-сироте Ваньке Огневе, который спас двух красных бойцов от преследования белых, был принят в красный отряд и после многочисленных приключений и военных подвигов представлен к награде.

Видимо, авторы решили и дальше разрабатывать перспективную жилу «красных дьяволят»: ведь мальчишки-слуги Джим и Том, герои «+К.М.» – это те же Ваньки Огневы, только перенесенные на фантастическую почву.

Если исключить этих героев, нетрудно будет увидеть, что сценарий, выполненный в технике «киноромана» двадцатых годов – всего лишь вольная обработка фантастической новеллы «Стальной замок», печатавшейся в №1-3 журнала «Вокруг света» за 1928 г. (ее доселе неизвестный автор скрылся под псевдонимом «П. Н. Г.»). Отсюда заимствованы основные детали сюжета – последний оплот капиталистов, огороженный смертоносной электромагнитной стеной, стальной замок-крепость, летательный аппарат, пробивающий завесу молний, рабочие-подпольщики и т.д. Отсюда и аббревиатура «К.М.», которую авторы расшифровывают на самой последней странице. Это «Край Молчания», в оригинале *Krajna Mowcannja* – Страна Молчания (в переводе мы решили сохранить исходное название). Именно так называется у «П.Н.Г.» государство недобитых капиталистов где-то на востоке бывших Соединенных Штатов.

Возникает вопрос, отчего авторы нигде сослались на непосредственный источник своего вдохновения. Может быть, сочли это излишним? Вряд ли они намеревались пойти на прямой плагиат – иначе не оставили бы без изменений имена действующих лиц (у «П.Н.Г.» есть и Карстон, изобретатель ракетного аппарата, и его помощник Губер – оба они летят в «Страну Молчания»).

Обращение к наивной героинке объяснялось, конечно, и молодостью соавторов – одному из них, Лукову, было в ту пору всего лет двадцать. Но их вещь была написана уже на излете совет-

ской героической фантастики с ее магистральной темой «последнего и решительного боя» мировой Коммуны и мирового Капитала, опубликована и вовсе в 1930 г. Очень скоро по идеологическим причинам понадобилась совсем иная фантастика, фантастика «ближнего прицела» – недаром 1930 год (год сталинского «Великого перелома») часто называют началом упадка советской фантастики. Возможно, по этим причинам киноман так и не превратился в кинофильм.

Нам, к сожалению, не удалось найти какие-либо сведения о дальнейшей судьбе Д. Мухи. Зато биография Л. Д. Лукова (1909-1963) хорошо известна: он стал видным советским кинорежиссером, создателем более двух десятков кинолент, многие из которых считаются классикой советского кино (достаточно назвать «Два бойца»), пережил и почести, в том числе две Сталинские премии, и сталинские гонения; они-то в конечном счете и свели Лукова в могилу в возрасте 53 лет.

Киноман Д. Мухи и Л. Лукова был впервые напечатан в журнале «Знання та праця» (№ 8-12, 1930). Эту забытую публикацию разыскал украинский библиограф и любитель фантастики Н. Ковальчук; благодаря его стараниям ее можно теперь прочитать в оригинале на сайте украиноязычной фантастики «Аргонавти Всесвіту» (<http://argo-unf.at.ua/>). Перевод выполнен по первому изданию, откуда взяты и иллюстрации. Переводчик позволил себе исправить ошибку авторов в конце части III, где они случайно назвали Тома – Джимом и добавили в одном месте пропущенное слово «зеркало».

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.